

Итак, перед нами фундаментальное издание, значение которого выходит далеко за пределы украинской фольклористики. Появление подобных сборников не только стимулирует развитие национальной фольклористики, и в первую очередь новых теоретических обобщений, но и позволяет более глубоко и продуктивно заниматься сравнительными исследованиями. Будем надеяться, что в недалеком будущем и русская фольклористика обогатится подобным изданием. А пока можно с уверенностью сказать, что рецензируемый сборник — одна из крупнейших современных антологий «колыбельной поэзии», полезных и интересных как широкому кругу специалистов, так и всем, кому дорого творчество народа.

Е. М. Левина

НАРОДЫ АМЕРИКИ

D. Bonavia. *Mural painting in Ancient Peru*. Translated by P. J. Lyon. Bloomington, Indiana University Press. 1985. 224 p., 124 fig., 34 color plates

В США вышел в свет перевод книги Д. Бонавия «Настенная живопись в древнем Перу», испанский вариант которой был выпущен незначительным тиражом в Лиме в 1974 г.¹ Фактически автор написал новую книгу, переработав ее и расширив за счет материалов, появившихся за последние 10 лет. Бонавия — один из крупнейших археологов Перу. У него интерес к крупным проблемам сочетается с безграничным терпением, дошностью, стремлением осмыслить малейшие факты, относящиеся к материалу исследования. Только специалист, наделенный подобными качествами, и мог обратиться к трудной и, скажем прямо, неблагодарной теме (сравнивать добытую историческую информацию с гигантской источниковедческой работой), какой является монументальная живопись Центральных Анд.

Судя по документам эпохи конкисы, а также свидетельствам археологии и иконографии (керамические модели построек), даже жилые здания в доиспанском Перу нередко раскрашивались, стены же храмов покрывались геометрическими и сюжетными изображениями. Настенная живопись составляла едва ли не важнейшую часть храмового декора. В горах, где строили в основном из камня, на стены порой наносился слой глины, служившей грунтом под краску. На побережье Тихого океана здания возводили из сырца, битой глины и обмазанных глиной дерева и тростника и украшали росписями еще чаще.

Однако доиспанская архитектура Перу почти не сохранилась. В результате катастрофических ливней (эль-ниньо), землетрясений, грабительских раскопок и хозяйственной деятельности людей древние сооружения были разрушены до такой степени, что даже точная реконструкция их первоначального облика редко возможна. В отличие от Мезоамерики, где построенные из камня реставрированные монументальные здания привлекают туристов, остатки древних сооружений в Андах обычно не дают представления о том, как выглядели объекты в период функционирования. Естественно, что росписи и рельефы на открытых стенах зданий не могли сохраняться долго. К счастью, на побережье Перу существовала традиция своего рода ритуального захоронения культовых изображений при перестройке храмов. Известны случаи, когда покинутые храмы полностью покрывались искусственной насыпью. Сотни стенных росписей оказались поэтому аккуратно замурованными и не подверглись воздействию дождя и ветра. Но это не уберегло их от разрушения людьми. Тяжелое экономическое положение Перу не позволяет этой стране выделять необходимые средства на охрану и изучение древностей. Зарубежные археологи преимущественно заняты проблемными исследованиями и тратить свои ресурсы на поиски и консервацию памятников искусства в чужой стране не хотят. Все это привело к тому, что древняя монументальная живопись Центральных Анд по сути дела выпала из поля зрения ученых. Каждый год гибнут росписи, имеющие высокую историческую и художественную ценность, многие из которых не были ни описаны, ни зафиксированы.

Исследование Д. Бонавия уместно назвать расследованием, ибо его работа носила вполне детективный характер. Лишь в редких случаях автор книги мог пользоваться полноценными полевыми отчетами. Как правило, ему приходилось поднимать архивы в поисках затерявшихся фотографий, опрашивать оставшихся в живых свидетелей, видевших уничтоженные ныне росписи своими глазами, ездить по памятникам, пытаться определить хотя бы место, где находились изображения, и в случае удачи собрать краску на анализ с последних уцелевших фрагментов. Свою задачу Бонавия выполнил виртуозно. Уличая свидетелей раскопок в противоречиях и неточностях, перуанский археолог трезво отделяет доказанное от возможного и от явно неверного.

Быть может, иногда Бонавия бывает слишком придирчив. Это касается, например, росписей в Уака Пинтада — небольшом храме в долине Ламбайеке на севере Перу, от-

¹ Bonavia D. Ricchata quellccani; pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974. 187 p.

носящемся к последней четверти I тыс. н. э. Одна из них была открыта в 1916 г., а через 60 лет сделанные с нее прорисовки и фотографии были обнаружены в архиве американским археологом Р. Шеделем. Эта роспись включает мотивы, восходящие к заключительному (пятому) этапу прибрежной цивилизации мочика и к памятникам круга уари-пачамак в Центральном Перу. Общая композиция соответствует традициям уари (показанные в профиль и заключенные в прямоугольные рамки персонажи устремляются к центральному божеству, изображенному в анфас), многие детали — мочикские. Прорисовка второй росписи была опубликована в 1942 г. Р. Каррион Качот. Она явно сделана человеком, незнакомым с канонами представленных на северном побережье изобразительных стилей и работавшим к тому же небрежно. Однако из этого никак нельзя заключить, что соответствующий рисунок — плод обмана или недоразумения — и был, как считает Бонавия, сделан с изображения не на стене, а на каком-то мелком предмете. Такой вывод, помимо того что он противоречит заявлениям Каррион Качот, не подкреплен наличием достаточно сходных изображений на керамике или металле, к кругу которых мог бы относиться гипотетический оригинал. В ряде специфических деталей рисунок сходен с первой росписью. Это трактовка ступней ног центрального персонажа (четыре острых когтя, отходящих от заполненного восемь кружками в два ряда прямоугольника), ряды дротиков (?) и колечек, в первой росписи обрамляющих второстепенные фигуры, а во второй — орнаментирующих одежду центральной, данной в анфас (на первой росписи соответствующие части такой фигуры, к сожалению, не сохранились), наконец, присутствие в обеих сценах персонажей с телами людей и короткими птичьими клювами. Учитывая небольшие размеры памятника, отнесение обеих найденных на нем росписей к одному периоду и даже их тематическая связь не исключены.

Бонавия сомневается и в аутентичности одной из древнейших настенных росписей Перу, обнаруженной в 1937 г. в Серро-Сечин на северном побережье и реставрированной в начале 1970-х годов. На стенах, обрамляющих вход во внутреннее святилище, нанесены фигуры хищников, видимо пум, и Бонавия доказывает, что западная была сфабрикована реставраторами по образцу восточной, так как никаких сведений о ней, относящихся ко времени первоначальных раскопок, нет. Уже после того, как рецензируемая книга была сдана в печать, руководитель работ в Сечине Л. Саманьо выступил с опровержением этих обвинений и опубликовал фотографию части западной фигуры, сделанной до реставрации².

Прав Бонавия или нет в данном конкретном вопросе, в целом его предельно критический подход к источникам совершенно оправдан. Он заставляет других исследователей обратить внимание на слабости своей аргументации и искать недостающие свидетельства.

В книге Бонавия содержится как технический, так и стилистический анализ росписей. Древние перуанцы в подавляющем большинстве случаев наносили краску на сухую глину и употребляли минеральные красители. Сравнение стили изображений дает наиболее интересные результаты в связи с памятниками конца I — начала II тыс. н. э. на северном побережье. Наряду с многочисленными росписями, в которых смешаны традиции мочика и уари-пачамак (типа образов из Уака-Пинтада), здесь известен расписной фриз в Чорнанкап, выполненный в иной, «наивной» манере. Аналогии живописи из Чорнанкап прослеживаются на юге северного и на центральном побережье, в частности на тканях из могильника Анкон. Центром распространения данной традиции Бонавия считает долину Уармей, и в этом он, видимо, прав. Археологическая культура или культуры, связанные с соответствующим стилем искусства, пока не изучены, но они явно были одним из важнейших компонентов в формировании прединкских культур побережья — чиму и чанкай.

В книге Бонавия есть и спорные моменты. Перуанский археолог пользуется схемой относительной хронологии, разработанной Дж. Роу и его калифорнийскими коллегами. Она включает три горизонта (ранний — чавин, средний — уари, поздний — инки), два промежуточных периода и начальный период (от распространения керамики около 1800 г. до н. э. до начала раннего горизонта около 1200 г. до н. э.). С нашей точки зрения, горизонты надо понимать как условные таксоны, позволяющие соотносить памятники друг с другом независимо от подверженной изменениям оценки их абсолютного возраста. Бонавия, однако, вкладывает в них более конкретное содержание и считает временем распространения на значительной части территории Перу не просто показательных в хронологическом отношении элементов культуры, а влияния, исходящего из определенных центров — Чавина-де-Уантар и Уари.

Многие американские специалисты с большой осторожностью относятся сейчас к гипотезе о существовании «империи Уари», советский археолог В. А. Башилов подверг сомнению эту концепцию еще в начале 1970-х годов³. Хотя крупное политическое объединение со столицей в Уари близ Аякучо, по-видимому, сложилось в горном Перу в начале VII в. н. э., нет доказательств, что в его состав входило северное побережье, где поселения уари отсутствуют, а найдены лишь единичные образцы орнаментированных в данном стиле тканей и керамики. Выдвинутая М. Мосли теория об экологических причинах кризиса мочикской цивилизации убедительнее предположения о том, что

² *Samaniego L., Vergana E., Bischof H. New evidence on Cerro Sechin, Casma valley, Peru//Early ceremonial architecture in the Andes. Wash., 1985. P. 165—190.*

³ *Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 187.*

мочика проиграли войну с уари⁴. Но если термин «империя Уари», столь часто употребляемый Бонавия, еще как-то может быть обоснован, слова перуанского археолога о появлении под влиянием Уари у индейцев побережья городов просто ставят читателя в тупик. Этот изначально сомнительный тезис кажется особенно устаревшим после работ американских исследователей по программе «Чан-Чан — Моче», доказавшим, что территория между пирамидами Уака-де-ла-Луна и Уака-дель-Соль в мочикской столице была застроена и что этот предшествующий времени возвышения Уари центр трудно охарактеризовать иначе, как город⁵.

Возможно, что в вопросе об «империи Уари» Бонавия предпочел остаться на традиционной для перуанских археологов позиции, дабы не углубляться в проблему, побочную для основного исследования. Однако такой подход отразился на некоторых частных выводах автора. Американские археологи пришли к выводу о запустении старой мочикской столицы к началу среднего горизонта. Однако Бонавия датирует открытые в Уака-де-ла-Луна росписи второй половиной этого горизонта на основании особенностей их композиции, имеющих аналогии в искусстве уари. На наш взгляд, все особенности росписей находят параллели также и в более раннем искусстве мочика. Создается впечатление, что Бонавия потому склоняется к датировке изображений средним горизонтом, что, с его точки зрения, святилища в Моче должны были функционировать и в период «империи Уари». М. Мосли и его коллеги, не обнаружившие следов уари в Моче, пересматривать всю свою концепцию развития культуры на северном побережье из-за отдельных сомнительных иконографических фактов, естественно, не хотят. Но даже если Бонавия прав относительно постмочикского времени создания росписей Уака-де-ла-Луна, его датировка их третьим этапом среднего горизонта все равно вызвала бы замешательство. Иконографические материалы среднего горизонта разделены по этапам для южного и отчасти центрального побережья. Для северного такая работа не проводилась, и непонятно, какой культурный контекст имеется в виду.

По поводу раннего горизонта Бонавия разделяет восходящую к Х. С. Телью точку зрения относительно горного храма Чавина-де-Уантар как центра, определявшего в свое время характер культурного развития на значительной части территории Перу. До недавних пор эта гипотеза господствовала в перуанистике. В отличие от Уари, Чавин не называли столицей «империи», а считали источником распространения религиозного культа и связанного с ним стиля искусства. Причины и механизм такого заимствования оставались не ясны. В последние годы предложена иная концепция раннего горизонта. Новые радиокарбонные датировки и переоценка старых привели Р. Бергера и других американских археологов к выводу о том, что «чавиноидные» центры на побережье на много веков древнее самого Чавина-де-Уантар. Появление в этих центрах во второй половине II тыс. до н. э. изображений с «чавиноидными» особенностями все еще загадочно, но остальные элементы культуры, прежде всего в архитектуре, безусловно, местного происхождения. Что же касается Чавина-де-Уантар, то он был основан в начале I тыс. до н. э. и лишь в середине этого тысячелетия превратился в ведущий региональный центр⁶. Выработанная Дж. Роу на основе анализа изображений из Чавина схема эволюции иконографии, видимо, верна (попытка ее ревизии А. Сойером не кажется убедительной⁷), но она не охватывает больше весь период, соответствующий раннему горизонту, и не годится для датировки памятников побережья.

Определяя временную принадлежность росписей Серро-Сечина, Бонавия исходит из хронологического приоритета Чавина-де-Уантар. Но аналогии с Чавином явно далеки, стратиграфия памятника — крайне запутана, поэтому перуанский археолог не столько отстаивает свою позицию (Сечин — не древнее Чавина), сколько ищет слабые места в аргументах тех, кто датирует Сечин начальным периодом. Как уже говорилось, почти одновременно с книгой Бонавии были опубликованы новые данные о работах в Сечине. Радиоуглеродные даты из заложенного у обводной стены храма шурфа, согласующиеся с образцами из других мест памятника, склоняют к тому, что постройка была завершена ранее 1300 г. до н. э. (и это — принимая даты без поправки, которая удвинула бы их на несколько веков). Если бы эти данные были известны Бонавии, он, возможно, не стал бы относить росписи и рельефы на стенах внутреннего храма (упоминавшиеся фигуры пум, а также рыб) к той же эпохе, что и чавиноидные изображения, и предполагать для раннего горизонта сосуществование реалистического и условного стилей.

Разумеется, вопросы взаимоотношений культур Древнего Перу в раннем и среднем горизонтах очень сложны. Никто не поручится, что позиция Бергера и Мосли по

⁴ Moseley M. Central Andean civilization//Ancient South Americans. San Francisco, 1983. P. 255. Взгляды Мосли развиты также во многих статьях по экологии северного побережья.

⁵ Lange Topic T. The Early Intermediate Period and its legacy//Chan Chan: Andean desert city. Albuquerque, 1982. P. 255—284.

⁶ Burger R.L. The prehistoric occupation of Chavin de Huantar, Peru. Berkeley — Los Angeles — London, 1984. 403 p.

⁷ Sawyer A. R., Mailland M. E. A reappraisal of Chavin//Art of the Andes; Pre — Columbian sculptured and painted ceramics from the Arthur. M. Sackler collections. Wash., 1983. P. 47—67.

данным проблемам, которую мы склонны разделить, не будет в свою очередь поколеблена пока еще неизвестными фактами. Зато можно быть уверенным в непреходящем значении деятельности Бонавии, спасшего от забвения ценнейшие свидетельства доиспанского прошлого и как никогда раньше остро поставившего вопрос о судьбе древних памятников в этой стране. Поэтому книга Бонавии — не только вклад в американистику, но и событие в культурной и общественной жизни.

Образцы стеной живописи открываются в Перу каждый год. Уже после того, как Бонавия завершил работу над книгой, появилась публикация великолепной и не имеющей точных аналогий с известными ранее монументальной росписи в Укупе (долина Санья на северном побережье), созданной в конце I или начале II тыс. н. э.⁸ Факты, приведенные перуанским археологом, заставляют с горечью предполагать, что она, как и почти все предыдущие, обречена на уничтожение.

Ю. Е. Березкин

⁸ *Alva W. L., Meneses de Alva S. Los murales de Ucupe en el valle de Zana, norte del Perú//Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München, 1984. B. 5. S. 335—360.*